

Нелегкий труд стрекозы

О передаче образных и идиоматических выражений
в устном переводе

И.В. Зубанова

Когда письменный – тем более художественный – переводчик рассказывает о том, какими непрямыми путями он приходит к своим решениям, сколько фактического и справочного материала поднимает в стремлении найти точные термины и имена или передать авторскую игру слов, сколько вариантов успевает перепробовать, пока не остановится на одном, наилучшем¹, – невольно проникаешься неподдельным уважением и восторгом. Зернышко по зернышку, подобно трудолюбивому муравью, собирает он слова, примеряет приемы, подбирает удачные обороты, строит из них свою ажурную конструкцию, скрепляя ее сквозными образами и оценками, украшает ее идиомами, тропами и звукописью, многократно проверяет ее на прочность и гармоничность, шлифует последние мелочи, отходит на шаг назад, как художник, и кладет последние мазки. Изводит, как говорится, единого слова ради, тысячи тонн словесной руды. Смотришь на это чудесное здание с трепетом и почтением и думаешь: а что же ты, переводчица устная, подобная легкомысленной басенной стрекозе: пару раз крылышками

махнула, песенку пропела – и всё! И берите, люди добрые, готовый перевод, какой с первого раза получился; лучше он все равно не будет, а то и вовсе улетучится. Как же вся эта махина помещается в твоей булавочной головке? И ты еще имеешь нахальство называться тем же словом, что и эти солидные люди: переводчик. Впрочем, англичане, да и немцы, французы, испанцы, и многие другие, тебе этого права на общее с ними название не дают, видимо, считают недостойной...

И все же: как это происходит? Как в устном переводе, с его неизбежным ограничением по времени, с однократностью предъявления материала и необратимостью переводческого выбора, решаются все или почти все те же задачи, что и в письменном? Попробуем проследить за процессом принятия решений по не самому простому поводу: в связи с передачей в устном переводе образных выражений, идиом, стилистически (регистрово) маркированных элементов, а также средств выражения эмоций и оценки. Для этого нам придется временно спуститься на землю и поговорить немного о теории.

Во-первых, нужно объяснить, почему мы объединяем все эти весьма неоднородные элементы текста в одну

¹ См. об этом: В.К. Ланчиков. «Делайте вашу игру!» О передаче каламбуров при переводе. «Мосты», №1(37)/2013.

Анализ практики

широкую категорию. Общее между ними, прежде всего, то, что в совокупности своей они отличаются от основного компонента содержания текста – назовем его информационным, или денотативным. Информационное содержание текста создается совокупностью денотатов (= референтов), объединенных предикативными и логическими связями; это основная «опорная конструкция» текста, его скелет. Он эксплицитен, весом, нагляден. Говоря просто, это то, *что* хотел сказать оратор. Именно в состав информационного содержания текста входят такие неоспоримо важные для коммуникации вещи, как термины, имена собственные и цифры (прецизионная информация). Если спросить слушателя или заказчика перевода, что для него наиболее важно, на что в первую очередь следует обратить внимание переводчику, то, скорее всего, они будут, в тех или иных выражениях, говорить о точной и полной передаче денотативного/информационного содержания текста.

Образные, эмоциональные, оценочные и регистрово-маркированные элементы текста – это то, *как* оратор хотел донести свою мысль до слушателя, какое отношение к описываемым предметам и событиям он хотел высказать, какие выразительные средства нашел. Назовем это собирательно «выразительным» компонентом текста. Бесплезно заранее пытаться судить о том, какой из двух компонентов текста важнее, или заметнее, или, предположим, сложнее для передачи в переводе. Универсального ответа на эти вопросы быть не может: все зависит от текста, от намерений оратора, от характера аудитории и от огромного множества прочих параметров коммуникативной ситуации. Не возможно даже заранее сказать, какой из компонентов занимает большее место в общем объеме содержания текста: доля

каждого может колебаться от почти нуля до почти ста процентов, причем даже в разных частях одного и того же текста дело может обстоять по-разному. Представим себе для примера такой диалог между двумя знакомыми: «Ну и что ты думаешь об этом плане, поддерживаешь ли ты его?» – «Что я думаю? И это ты меня спрашиваешь? Ну, знаешь ли! Я даже не знаю, что тут и сказать. Что же тут скажешь? Тут только руками разведешь, а ничего и не скажешь. План, называется!..» Информационный компонент значения реплики второго участника, видимо, сводится к слову «Нет» (которое впрямую так и не прозвучало); все остальное пространство текста, включая и его звуковую ткань, занято разнообразным выражением чувств и оценок.

В структуре текста информационное и образное/оценочное и прочее содержание сложно переплетены и перемешаны на всех уровнях: от фонетического до синтаксического. Иногда можно указать отдельные слова или обороты, служащие исключительно носителями оценочности или образности, но нередко оба компонента совмещаются в одном поверхностном элементе: *Машина мчалась по дороге* (= <двигалась> + <стремительно>); *прихватизация* (= <приватизация> + <грабительская>).

Тем не менее, задача устного переводчика – различать и разделять эти компоненты. Дело в том, что тактика работы с ними переводчика принципиально разная. Можно сказать, что материал информационной составляющей текста переводится в соответствии с «денотативной моделью» перевода (идущей от Дж. Кэтфорда), а весь прочий материал – скорее в соответствии с «интерпретативной моделью» (Д. Селескович).

Неискушенному наблюдателю может представляться, что переводчик движется прямо и поступательно «вдоль» текста,

уделяя равное по количеству и качеству внимание каждому элементу текста по мере их предъявления, как бы перебирая бусины четок, которые постепенно подает ему оратор. Такой образ, впрочем, скорее ассоциируется с синхронным переводом. В случае последовательного перевода оратор предоставляет в распоряжение переводчика довольно значительный отрезок текста — от нескольких фраз до нескольких абзацев, — так что наблюдатель понимает, что у переводчика возникает дополнительная задача: сначала удержать в голове и не растерять все бусины, а потом не дать порваться и запутаться нитке, на которую они нанизаны. В таком восприятии деятельности устного переводчика есть своя правда и свой смысл, но это касается в лучшем случае управления объемом работы, которую проделывает переводчик, а не ее содержания или механизмов. Попробуем взглянуть глубже.

Представим себе обработку поступающей к переводчику текстовой информации как своего рода процесс, в ходе которого материал проходит последовательно ряд «решёт» или «фильтров», отсеивающих ту или иную часть информации и пропускающих до конца не всё, а только то, что потребует особого, творческого подхода со стороны переводчика. При этом отсеянный материал совсем не обязательно игнорируется или выбрасывается — просто он представляет собой то, что имеет стандартные, типовые решения, которые опытный переводчик находит без большого труда, или то, что можно перевыразить на языке перевода, используя какие-то формальные или интуитивные алгоритмы; но чем дальше заходит процесс, тем в меньшей степени можно положиться на готовые эквиваленты.

1. Первый, самый грубый фильтр отсеивает из воспринимаемого переводчиком устного текста «мусор»: брошенные беспричинно фразы, «фальстарты»,

оговорки, неосмысленные самоповторы говорящего, слова- и звуки-паразиты и тому подобное. Такого, с позволения сказать, «материала» иной раз немало встречается в спонтанной речи. Он обычно не осознается ни говорящим, ни слушающими, если только эта «грязь» не становится слишком однообразной и назойливой, как это бывает иногда со звуками- и словами-паразитами. В любом случае, отсеив всего этого переводчиком на входе обычно не представляет трудности и является безвозвратным.

Вот пример из транскрипта (дословной записи) начала лекции И. Хакамады «Как быть успешным и при этом свободным»². Заметим, что в целом это спонтанная, но довольно хорошо продуманная и чистая речь. (Подчеркнуты элементы «мусора», отсеиваемые при восприятии):

Значит — ээ — в принципе, что я — ээ — пытаюсь передать людям в своем вот этом небольшом таким учебном материале? Первое: я не претендую на то, что я права. То есть я не являюсь профессиональным психологом, и я не являюсь профессиональным менеджером, который работает с кадрами и учит их — ээ — продвигаться по жизни. Это фактически тот материал, который я обобщила в результате собственного опыта и в результате собственного продвижения. Это мой личный опыт. Может быть, — ээ — в чем-то — ээ — я совершенно не соответствую тем стандартам, которые описывают в учебниках, а может быть, что-то и будет совпадать. Во всяком случае, будьте с этим материалом аккуратнее. То есть не нужно брать, вот, всё на веру: она сказала, я пошел и теперь буду делать так, а потом — ээ — в результате может получиться всё по-другому.

2. На втором уровне фильтрации весь материал звучащего текста разделяется в зависимости от исполняемой им *функции*. Функций текста, вслед за Р. Якоб-

² Видеозапись этой лекции можно увидеть и послушать в Интернете: http://www.youtube.com/watch?v=XR3fTYaQL_0

соном, традиционно выделяют шесть: денотативная, волеизъявительная, экспрессивная, поэтическая, фатическая, метаязыковая – но здесь нас интересует менее подробное деление. С точки зрения устного переводчика важно различать две принципиальные функции: ориентированная на содержание текста и ориентированная на сам процесс коммуникации. Вторая из упомянутых функций – назовем ее структурной, или организационной (из якобсоновских она ближе всего к фатической функции, хотя мы понимаем это несколько шире; по-английски это уместно назвать *the housekeeping function*) – воплощается в таких компонентах звучащего текста, как приветствия, обращения, риторические вопросы и ответы на них, извинения, самоисправления, многие вводные слова и обороты, а также разнообразные эксплицитные средства структурирования текста (заголовки, рубрики, нумерация разделов; эксплицитное оформление цитат, ссылок на источники информации и примеров; сообщения о плане предстоящего выступления и указание на подведение итогов и т.п.). Средства выражения, реализующие организационную функцию текста, представляют собой стереотипные, клишированные обороты и слова, существующие в составе каждого языка в виде контекстуально-синонимических рядов, элементы которых различаются, главным образом, регистровой отнесенностью и частотностью, а во всех прочих отношениях взаимозаменяемы.

Вот, например, слова и обороты – носители структурной информации (подчеркнуты), выделенные в том же вводном абзаце лекции И. Хакамады («мусор», отсеянный на первом этапе, вычеркнут):

~~Значит~~ ~~э~~ ~~в принципе,~~ ~~что я~~ ~~э~~ ~~пытаюсь передать людям в своем~~ ~~этом~~ ~~небольшом~~ ~~таким учебном материале?~~ ~~Первое:~~ я не претендую на то, что я права.

~~То есть~~ я не являюсь профессиональным психологом, ~~и я не являюсь~~ профессиональным менеджером, который работает с кадрами и учит их ~~э~~ продвигаться по жизни. Это ~~фактически~~ тот материал, который я обобщила в результате собственного опыта и ~~в результате собственного~~ продвижения. Это мой личный опыт. Может быть, ~~э~~ в чем-то ~~э~~ я совершенно не соответствую тем стандартам, которые описывают в учебниках, а может быть, что-то и будет совпадать. Во всяком случае, будьте с этим материалом аккуратнее. То есть не нужно брать, ~~вот,~~ всё на веру: она сказала, я пошел и теперь буду делать так, а потом ~~э~~ в результате может получиться всё по-другому.

3. Следующим фильтром служит разделение всей содержательной информации каждого высказывания на *тематическую* и *рематическую*³. Коммуникативно новая, контекстуально непредсказуемая информация содержится в рематической части высказывания, в то время как тематическая часть представляет собой либо повторную информацию, в том или ином виде упоминавшуюся ранее в ходе данной коммуникации, либо информацию, заведомо известную коммуникантам и не требующую эксплицитного введения. Задача ремы – продвинуть коммуникацию вперед, сообщив нечто новое; задача темы – обеспечить связность текста, отсылая слушателя к ранее прозвучавшему или известному. При этом тематическая часть высказывания не обязательно должна содержать материальные повторы, то есть буквально те же самые слова и обороты, которые упоминались ранее (хотя это возможно). Гораздо чаще тематическая информация принимает форму парафразов, контекстуальных синонимов, слов-заменителей и прочих средств обозначения кореферентности. Среди таких парафразов и

³ Подробнее об этом можно прочесть в статье «“Baby in the Car” ≠ “Ребенок в машине”», «Мосты», № 4(20)/2008.

заменителей могут оказаться и образные выражения, и эпитеты, и фразеологизмы, но устный переводчик знает, что если такой элемент речи стоит «не под ударением», т.е. не является ремой, допустимо не уделять ему слишком много внимания, особенно если для передачи этого элемента на другом языке нет готового, клишированного эквивалента. Идиома вполне может при этом быть заменена свободным словосочетанием или даже словом, яркий эпитет — более скромным определением, существительное — местоимением и т.п.⁴ Другое дело, если образное выражение, идиома, средство передачи оценки или эмоции оказываются в фокусе внимания говорящего, то есть занимают рематическую позицию. В таком случае от переводчика требуется напряжение всех творческих сил и поиск выразительных средств, максимально соответствующих замыслу автора оригинала.

Вот пример:

On December 10th, 2002, George Bush attended the opening ceremony of “Business Strengthening America”, an organization whose aim is “to encourage civic engagement

and volunteer service in corporate America”. Also present were [several leading politicians and businessmen]. The high-profile occasion was the first fruit of a meeting held at the White House in June, when the president called for greater corporate involvement in the community.

Эпитет “high-profile”, означающий «широко разрекламированный, заметный» или «влиятельный; (происходящий) на высшем уровне» стоит в тематической позиции, что подчеркивается и тематическим артиклем “the” перед этой номинативной группой. Оценочная и прочая информация, передаваемая этим словом, не становится отдельным предметом сообщения, а упоминается проходя, суммируя и дублируя информацию первых двух предложений о высокопоставленности и важности участников описываемой церемонии. Поэтому в ситуации устного перевода вполне можно употребить на этом месте менее выразительный оборот или слово: «*важное/крупное/примечательное мероприятие*», и даже допустимо полностью опустить определение: «*это мероприятие*».

4. И, наконец, если мы оставим в стороне весь информационный компонент содержания текста (разумеется, «оставим в стороне» никак не значит, что мы не собираемся его переводить — совсем наоборот, но о переводе этого материала можно поговорить в другой раз), то среди образно-оценочных выражений и слов, занимающих рематическую позицию в высказывании, то есть требующих от переводчика максимальной яркости и ясности передачи, мы обнаружим материал, как имеющий готовые устойчивые соответствия на другом языке, так и не имеющий таких соответствий или имеющий их с оговорками.

Для такой пары языков, как русский и английский — языков не близкородственных и территориально не смеж-

⁴ Ср.: Г.В. Чернов о передаче в синхронном переводе смыслового компонента *оценки*: «Оценочный компонент может играть различную роль в ССС [семантико-смысловой структуре] высказывания и сообщения: он может играть роль компонента, сопутствующего тематическому референту и как бы лежащего в его «деривационной предыстории», а может составлять рему сообщения, т.е. быть непосредственно коммуникативно значимым. В зависимости от этого обстоятельства значимость компонента оценки в СП [синхронном переводе] будет различной. В первом случае оценочный компонент (СК [семантический компонент] оценки) будет составлять часть избыточной темы и, в силу избыточности, без ущерба для смысла сообщения может опускаться при переводе (хотя вряд ли это будет так при переводе иного типа, нежели устный синхронный перевод). Во втором случае, где СК оценки составляет собственно рему высказывания, его опущение означает смысловое искажение и, следовательно, не может быть допущено в синхронном переводе». (Г.В. Чернов, Основы синхронного перевода — М.: Высшая школа, 1987, стр. 179–180. Расшифровка аббревиатур моя — И.З.).

Анализ практики

ных, но имеющих давнюю историю культурных контактов, — присутствие в обоих языках образных слов или оборотов, имеющих одновременно и одинаковое значение, и поэлементно сходную внутреннюю форму, может означать только одно: данные слова или выражения заимствованы либо из русского языка в английский, либо из английского в русский, либо (что еще вероятнее) в оба языка независимо друг от друга из общего источника: латинского, французского, немецкого.

Русские заимствования в английском языке немногочисленны. (Заметим, что мы имеем в виду языковые единицы, используемые для описания не только реалий собственно русской истории, географии или культуры, но в той или иной степени вошедшие в общий фонд английского языка). Среди них есть отдельные слова, имеющие выраженное эмоциональное или оценочное значение; словосочетания, используемые как идиомы; несколько устойчивых предложений. Многие из них восходят к названиям событий или явлений русской истории (*pogrom*, *GULAG*, *Ivan the Terrible*, *troika* (комитет)⁵) или к стереотипным представлениям, выдаваемым за таковые (*Potemkin villages*, *Molotov cocktail*). Кое-что обязано своим существованием русской классической литературе или философии (“*All happy families are alike; each unhappy family is unhappy in its own way*”, “*non-resistance to evil by violence*” — оба примера отсылают к наследию Л.Н. Толстого). Есть ряд названий, несомненно основанных на «русских» фактах и явлениях, которые в русском

⁵ Например, «Википедия» в качестве одного из первых на сегодняшний день значений слова “troika” предлагает следующее: “The tripartite committee led by the European Commission with the European Central Bank and the International Monetary Fund, that organized loans to the governments of Greece, Ireland and Portugal.”

языке обычно обозначаются иначе: (*Russian hills* — американские горки, *Russian dolls (nesting dolls)* — матрешка). Наконец, в английском языке утвердились некоторые слова и обороты, считающиеся русскими, но либо смещенные в смысловом плане (*babushka* — головной платок), либо исходно основанные на межъязыковом недоразумении (тост “*Na zdorovye!*”, не соответствующий русскому узусу и, возможно, являющийся результатом смешения с похожими формулами из каких-то других славянских языков).

Гораздо обширнее круг образных выражений — цитат, крылатых выражений и фразеологизмов⁶ — заимствованных русским языком из английского языка, как в его британском, так и американском варианте.

Британские заимствования имеют по большей части литературное происхождение. Целый ряд цитат опознаются как авторские, например, шекспиризмы: *полцарства за коня*; *Быть или не быть? Вот в чем вопрос* (выражение, столь любимое в русском языке, что бытует и в измененном виде: *бить или не бить? пить или не пить?* и даже «*Брать или не брать (телефонную трубку в роуминге)?*»); *прогнило что-то в Датском королевстве*; *распалась связь времен*; *дальше — тишина*; *пушечное мясо*; *нет повести печальнее на свете*; *весь мир — театр*; *крысы покидают тонущий корабль*; *укрошение строптивой*; *много шума из ничего* и многое другое). Ассоциируются с исходными произведениями и цитаты из Льюиса Кэрролла (*всё чудесатее и чудесатее*; *улыбка чеширского кота*; *зазеркалье*; *бежать изо всех сил, чтобы только остаться на месте*), Рэбьярда Кипплинга (*кошка, которая гуляла сама*

⁶ О различии между цитатами, крылатыми выражениями и фразеологизмами см. В.К. Ланчиков «Крайняя середина», доступно на: <http://www.thinkaloud.ru/featurelr.html>

по себе; закон джунглей), Герберта Уэллса (*машина времени; человек-невидимка*), Джорджа Оруэлла (*все животные равны, но некоторые равнее прочих; Большой Брат; новояз*), ряда других авторов (*потерянный рай; любовь с первого взгляда; элементарно, Ватсон!*⁷). Достаточно много английских заимствований попали в русский язык из народных детских сказок и стихов: *Мальчик-с-Пальчик, Шалтай-Болтай, вся королевская рать, три поросенка, кто сидел на моем стуле?* и др. Значительный круг крылатых выражений и идиом, описывающих разнообразные явления политической, социальной и культурной жизни, хотя и не напоминают носителям русского языка о конкретных авторах, тем не менее отчетливо опознаются именно как «английские»: *круглый стол; мой дом — моя крепость; пир во время чумы; скелет в шкафу; джентльмены удачи; время работает на нас; синий чулок; проснуться знаменитым; метод проб и ошибок; поток сознания; железный занавес* и многие другие. Из нехудожественных произведений статуса крылатых выражений (т.е. выражений, опознаваемых как принадлежащие конкретному автору и контексту) достигли немногие. Среди них формулировки Чарльза Дарвина: *естественный и искусственный отбор, борьба за существование, выживает сильнейший*. Причем в последнем случае это «опознание» дважды ложное: во-первых, этот термин предложил не Дарвин, а его младший современник философ Герберт Спенсер (правда, Дарвин позже повторил его в своих работах), а во-вторых, во фразе Спенсера фигурирует не «сильнейший», а «наиболее приспособленный» (*survival of the fittest*).

⁷ Классический случай «ложной культурной памяти»: неоднократно исследования текстологов доказано, что именно такой фразы ни в одном из рассказов А. Конан Дойля о Шерлоке Холмсе нет.

Устойчивые цитаты, крылатые выражения и идиомы, осознаваемые в русском речевом обиходе как американизмы, также нередко восходят к литературным оригиналам, иногда видоизмененным или популяризированным при помощи кино или СМИ. Среди них идиоматические обороты, относящиеся к «жизни индейцев» в ее популярном литературно-кинематографическом варианте: *последний из мокикан* (из Фенимора Купера); *выйти на тропу войны; зарыть томагавк; трубка мира*. Из американских литераторов, чьи строки чаще всего вспоминают представители русской культуры, на первом месте, очевидно, находится О. Генри: *вождь краснокожих; добежать до канадской границы; Боливар не выдержит двоих; трест, который лопнул* и др. Скорее кинематографу, чем исходным литературным произведениям, обязан русский язык знакомством с цитатами: *«Я подумаю об этом завтра»* («Унесенные ветром»), *«Нам не страшен серый волк»* (диснеевский мультфильм «Три поросенка», а также советская радиопостановка по его мотивам) и др. Американская публицистическая и биографическая литература одарила русский язык разве что шутивным комментарием к газетному некрологу Марка Твена «*Слухи о моей смерти сильно преувеличены*» и формулой Гертруды Стайн «*потерянное поколение*». И, наконец, самая крупная группа американизмов в русском языке — это идиомы неизвестного (для русскоговорящих) происхождения, относящиеся к сфере политической и социальной публицистики: *страна неограниченных возможностей; политика канонерок; большая дубинка; империя зла; глобальная деревня; утечка мозгов* и мн. др.

Спектр источников образных и идиоматических заимствований, общих для русского и английского языков, достаточно широк: классическая мифо-

логия, Библия, европейская и мировая литература, исторические события и персоналии, наука и техника, популярная культура и многое другое. Из систематических культурно-лингвистических различий можно отметить большую близость русской культуры и, соответственно, языка, к греческим (византийским) источникам, особенно в религиозной сфере, в противоположность характерным для англоязычной культуры латинизмам.

Важно учитывать, что наличие в одном языке заимствования из другого (или наличие в обоих языках заимствования из общего источника) совершенно не означает, что отношения переводческой эквивалентности между ними абсолютны и симметричны. Выражение, использующееся в одном языке, может отличаться от его аналога в другом по целому ряду параметров: по объему значения, коннотациям, оценке, регистру, частотности употребления и так далее, не говоря уже о степени опознаваемости исходного автора и контекста. Причем, как это ни странно, выигрывает по всем этим параметрам не обязательно слово или выражение того языка, на котором оно возникло изначально. Так, упоминавшаяся выше цитата из рассказа О. Генри “The ransom of Red Chief” («Вождь Краснокожих» — в переводе Н. Дарузес, а также в фильме «Деловые люди» режиссера Л. Гайдая) «(успеть) *добежать до канадской границы*» гораздо популярнее в русском языке, чем никому не запомнившаяся исходная строка (“legging it trippingly for the Canadian border”) по-английски. Причем употребляется она по-русски не только когда по тому или иному поводу речь идет о стремлении в Канаду (а здесь поиск в рунете дает тысячи упоминаний — статьи о катании на снегоходах, об игре российских хоккеистов в НХЛ, о дезертирах из армии США, избегающих войны в

Ираке, о попытках коррумпированных казахских чиновников скрыться от следствия за границей и так далее), но и просто в значении «успеть что-то сделать», «еще есть достаточно времени в запасе»⁸.

Примеров того, как образные слова или выражения в двух языках, даже восходящие к одному источнику и равно известные в обеих культурах, могут иметь разного рода расхождения в значении или употреблении, можно привести множество. Так, согласно большинству словарей русского языка, *золушка* определяется сугубо пессимистически — это «тот, кого не любят, постоянно незаслуженно обижают» (словарь Ожегова), или конкретнее: «трудолюбивая девушка, женщина, выполняющая большую работу, но испытывающая при этом несправедливое к себе отношение» (словарь Ефремова). А вот англоязычные словари, хотя бы в одном из значений, а нередко и в единственном, фиксируют более позитивную точку зрения: *Cinderella*: a household drudge who, with the help of a fairy godmother, marries a prince (Webster’s New World Dictionary); a girl who achieves fame after being obscure (Collins Dictionary); one that unexpectedly achieves recognition or success after a period of obscurity and neglect (The New World Encyclopedia); someone who suddenly becomes rich, famous, or successful (Macmillan Dictionary). Получается, что прочитав одну и ту же сказку Шарля Перро или братьев Grimm, русский язык обратил больше внимания на ее первую половину, а английский — на вторую. В соответствии с этим, переводчику может понадобиться внести уточняющие коррективы в перевод.

А сколько случаев, когда цитата из самого, казалось бы, классического и авторитетного источника имеет счастли-

⁸ Живая речь. Словарь разговорных выражений. — М.: ПАИМС В.П. Белянин, И.А. Бутенко, 1994.

ую судьбу в одном заимствующем языке: широко известна, часто упоминается, даже считается «общим местом» — и совершенно не востребована в другом языке и культуре. Причем причину такого расхождения определить часто не удастся. Возможно, в языке А афоризму или образному обороту просто повезло с ярким и запоминающимся переводом, а в языке Б нет. Вот пример — английская фраза, выражающая мысль Сократа (в передаче Платона): «*The unreflected life is not worth living*». Сколько раз придется слышать эту чрезвычайно популярную максиму из уст англоязычных ораторов — философов, психологов, социологов, педагогов — и каждый раз непонятно, как поступить в устном переводе. Нет, труды Платона, разумеется, давно переведены с греческого на русский язык и опубликованы, и при некоторой настойчивости можно (по окончании лекции, которую ты переводил) найти в словаре цитат это место. Но вот что там написано: «Если я скажу, что ежедневно беседовать о доблестях и обо всем прочем, о чем я с вами беседую, пытая и себя, и других, есть к тому же и величайшее благо для человека, и жизнь без такого исследования не есть жизнь для человека, — если это я вам скажу, то вы поверите мне еще меньше» (пер. М.С. Соловьева, 1903; курсив мой — И.З.). И что тут цитировать? Совершенно нечего. Приходится признать, что в русском языке этот афоризм просто не состоялся. И в переводе с английского поэтому каждый раз приходится импровизировать.

И все же, когда устный переводчик сталкивается в предъявляемом оратором материале с одним из образных выражений (цитатой, фразеологизмом и так далее), имеющим исторически сложившийся устойчивый эквивалент, то действия его в общем случае вполне

понятны: если контекст не предъявляет к рассматриваемому обороту никаких дополнительных требований — например, если не происходит попытки со стороны автора «взломать» внутреннюю форму оборота и использовать наряду со смыслом также отдельные элементы его структуры, — то задача переводчика сводится к подстановке, а главной проблемой становится своевременное припоминание устойчивой формулы. Иногда это само по себе может быть непростой задачей: скажем, если оратору придет фантазия цитировать Шекспира по-русски или Пушкина по-английски, переводчику будет весьма неловко не угадать, какой именно пассаж из оригинальной поэзии имеется в виду и как он звучит в исходном виде.

Вот, например, как «порадовала» своих переводчиков г-жа Шерри Бут, супруга экс-премьера Великобритании Тони Блэра, приезжавшая в Россию несколько лет назад, чтобы выступить на тему, близкую ей как профессиональному юристу:

I have been warned that Russian audiences expect speakers to illustrate their topic by reference to works of literature. I must admit that I have struggled a little bit to come up with a good literary reference for my topic on the relationship between non-governmental organizations (or “NGOs”) and the state. It seems that the great writers of the Soviet period were not too preoccupied with NGOs, either expressly or metaphorically. I’m sure they had their reasons. So I had to go further back in time and I stumbled upon your author Ivan Krylov, who gave an important insight for my topic when he wrote his fable about a man and a bear in 1807. [...] As you all know, a lonely man and a bear became close companions to the point that one could not really function or exist without the other. They became partners in the everyday business of life, much like the state and NGOs in modern democracies. [...] Anyway, to continue with the story, at one point in their journeys the bear suggested to his companion that he could take a rest and

Анализ практики

promised to watch over him as he slept. As time passed the faithful bear became concerned that a fly was tormenting his human friend. No matter how many times his sleeping companion shooed the fly away, it would stubbornly return to sit upon his nose. The bear, with the best of intentions, decided to relieve his friend of this nuisance and threw a stone at the fly. With the bear's great strength, he of course disposed of both the fly and his friend, whose forehead was crushed by the stone. I am told that this fable has left its mark on the Russian language with the phrase "to render a bear's service". My theme today is that democratic governments, in formulating and implementing their policies, must try to avoid rendering a bear's service to NGOs.

Казалось бы, все яснее ясного. Автора, И.А. Крылова, выступающая назвала сама, историю эту мы помним с детства, пусть и не наизусть, и идиома

«медвежья услуга» пришла в голову переводчику еще задолго до того, как был закончен пересказ басни. Но все ли мы помним, что басня эта названа автором «Пустынник и медведь»? Не «крестьянин», не «мужик», не «человек» — пустынник. И, несомненно, так герой и должен называться на русском языке, даже в прозаическом переложении. Кстати, у Лафонтена, у которого русский баснописец позаимствовал сюжет и мораль, басня называлась «Медведь и садовник»...

(Окончание следует)

Исторический музей

I. СМИшные переводы

В 1919–1920 гг. писатель-юморист Аркадий Тимофеевич Аверченко, находясь в Крыму, который был тогда занят Добровольческой армией под командованием генерала П.Н. Врангеля, печатал свои фельетоны в газете «Юг России» и вел в ней раздел «Маленький фельетон» – сатирический комментарий к последним политическим новостям.

Один такой фельетон, опубликованный в номере от 3 октября 1920 г., был связан с обменом дипломатическими нотами между министром иностранных дел Великобритании лордом Керзоном и наркомом иностранных дел Г.В. Чичериним. Когда перевод очередной ноты Керзона был опубликован в советской печати, Аверченко отозвался о нем:

Мы знали одного переводчика, который переводил с французского на русский язык слово «бабушка» так:

– Большое море.

Судя по всему, этот переводчик свил себе прочное гнездо в «Великой России».

Ибо кто как не он перевел «ноту лорда Керзона»:

В ответ на ноту из Москвы лорд Керзон послал чрезвычайно важное решение.

Последние сообщения указывали, что возобновление торговых отношений не будут обременены затянувшимися переговорами благодаря многим вопросам, возбужденным в советском ответе.

Что касается отправки на родину граждан, в ноте говорится: Великобритания не пожелала лишних слов для успешного окончания переговоров.

Если это перевод – то в лучшем случае перевод бумаги...

☛ см. стр. 77

Нелегкий труд стрекозы

О передаче образных и идиоматических выражений
в устном переводе
(Окончание)

И.В. Зубанова

Но одно дело цитата – выражение устойчивое, но не обязательно образное или идиоматически переосмысленное. А как быть с настоящими фразеологизмами? Можно ли считать, что найденное кем-то раз соответствие между «Лицом к лицу лица не увидать; большое видится на расстояньи» и “The fish does not understand the water” применимо во всех случаях? Следует ли устному переводчику становиться ходячим двуязычным фразеологическим словарем, состоящим из однозначных эквивалентов, так чтобы в любое время дня и ночи он мог ответить на вопрос: «А как вы обычно переводите “показать кузькину мать” или “the buck stops here”?» Между прочим, общество, в лице заказчиков и потребителей устного перевода, примерно так себе и представляет искусного устного переводчика. И робкие попытки переводчика говорить о том, что вне контекстуальные однозначные соответствия невозможны или бессмысленны, что существуют культурно-ассоциативные значения, что в идиоме, наконец, может быть важнее не форма, а содержание, обычно сочувствия у наблюдателя не вызывают. Наблюдателю хочется стать свидетелем волшебного нахождения безупречного эквивалента образного выражения «на лету» – чего-то сродни поэтической импровизации или игры в буриме. Не то, чтобы это было совсем

невозможно. Вот пара примеров, записанных, правда, не во время реального перевода, но в условиях, «приближенных к боевым» – на занятиях по устному переводу, когда на размышление у студента-переводчика было буквально несколько секунд (дело было в 1990-х гг., отсюда и содержание переводимых анекдотов):

Различие между демократией и демократизацией такое же, как между каналом и канализацией. > Democracy is to democratization as liberty to price liberalization.

Судьба русского интеллигента в XX веке: до революции сидел, ничего не делал; после революции ничего не мог делать – сидел. (*Ген. А.И. Лебедь*) > The life story of a member of the Russian intelligentsia in the 20th century: under the czars he just marked time and did nothing. Under the bolsheviks he could not do anything: did time.

Но такие игры возможны, пожалуй, только в учебной обстановке, когда неудачный или слишком смелый вариант перевода грозит переводчику разве лишь неодобрением преподавателя, а главное – когда образное выражение переводится в изоляции от контекста и замысла оратора, остающихся всегда до конца неизвестными переводчику. Те немногие случаи из реального устного перевода, которые сохранились в переводческих мемуарах, когда в ответ на идиому или образное выражение на ходу подбирался

Анализ практики

столь же образный или идиоматический перевод, скорее свидетельствуют о рискованности такой тактики. Приведем известный отрывок из воспоминаний одного из первых советских синхронистов – А.Д. Швейцера¹:

Множество ловушек подстерегает переводчика-синхрониста – пословицы, поговорки, крылатые слова, цитаты. Решение нужно принимать мгновенно, а любой просчет чреват самыми серьезными последствиями.

Как-то на заседании Совета Безопасности один из ораторов употребил английскую поговорку *to kill two birds with one stone*. Переводчик передал ее русским эквивалентом: «убить двух зайцев». Выступавший после этого советский представитель решил обыграть это выражение и стал говорить о зайцах, которых уважаемый оратор притянул за уши. В ответ «уважаемый оратор» возразил, что ни о каких зайцах он не говорил. Вину возложили на него в чем не повинного переводчика.

А вот история, рассказанная другим переводчиком – ветераном советского МИДа, которому повезло без больших потерь выбраться из подобной ситуации. Руководитель советской делегации на переговорах заключает свою речь фразой: «*Так что намотайте это себе на ус*». Переводчик переводит: “*So put that in your pipe and smoke it*”. Ответ: “*I don't smoke*”. Переводчик: «*У меня нет усов*» (по счастью, так и было). Ответ: «*Так отпачтуйте*». Переводчик: “*Start smoking then*”. После этого участники переговоров перешли на другую тему. На счастье переводчика, либо за столом не было больше двуязычных людей, либо они проявили большой такт и не стали комментировать расхождения в образной системе прозвучавших диалогов.

Как же следует поступать в подобных случаях устному переводчику, по определению работающему не только в навязанном оратором темпе и без воз-

¹ А.Д. Швейцер. Глазами переводчика. Из воспоминаний. М.: «Р.Валент», 2012, с. 117.

можности обратиться к справочным источникам, но и в условиях неполной информации о замысле оратора, в отношении как содержания, так и формы дальнейшей речи? Линн Виссон в своей книге, адресованной устным переводчикам, советует применять пересказ или буквальный перевод поговорки, поговорки или иного идиоматического выражения, по возможности сопровождая его аналогом на языке перевода: «*Они хотят нам продать кошку в мешке*» > “*They want us to buy a cat in a bag, or, as we say in English, a pig in a poke.*”² (Пожалуй, еще более уместно было бы построить это предложение противоположным образом: “*They want us to buy a pig in a poke or, as we say in Russian, a cat in a bag*” – то есть сначала сориентировать слушателя относительно содержания сказанного, а потом, по возможности, указать ему, что на данном отрезке текста доминирующей функцией временно стала денотативная и даже не экспрессивная, а поэтическая и металингвистическая, то есть ориентированная на форму сообщения, в том числе и связанную с конкретным языком.) Особенно ценным нам представляется совет добавить оговорку: «как говорится по-русски/по-английски». Этот несложный прием одновременно призывает слушателей мобилизоваться для восприятия культурно-специфической информации и помогает переводчику хотя бы отчасти снять с себя ответственность за непривычную для них формулировку³. И еще одно наблюдение: несмотря на все многочисленные страшные рассказы о переводческих конфузах, возникающих, когда оратор внезапно начинает разворачивать сквозную метафору или как-то

² Линн Виссон. Синхронный перевод с русского на английский. М.: «Р.Валент», 1999, (2007), с. 155–156.

³ Джеймс Нолан предлагает пойти еще дальше: «Когда оратор предупреждает вас заранее, что собирается процитировать поговорку или поговорку, говоря: “У нас есть поговорка...” или “Как

иначе обыгрывать образ, лежащий в основе поговорки или иной идиомы (например, обсуждать «притянутых за уши» зайцев), такие случаи весьма редки. Так что переводчик может рискнуть и при первом предъявлении образного оборота перевести его каким-то более нейтральным или стандартным для конечного языка образом, а культурологические комментарии и оговорки вроде «в исходном языке эту мысль принято выражать дословно вот так» прибегать для того самого редкого и опасного случая, когда оратору захочется поиграть в слова и образ будет упомянут во *второй раз...*

5. И наконец, как же переводчику «изготовить» тот самый относительно нейтральный и стандартный вариант перевода, который передаст если не форму, то смысл образного слова или выражения, особенно когда готового эквивалента нет или он неизвестен переводчику, и решение придется принимать самостоятельно и на ходу?

Возьмем для примера отрывок из текста, посвященного навыкам публичной речи. Такой материал вполне мог бы быть произнесен как часть лекции или презентации:

Of all the skills we develop as leaders and professionals, communicating is one that we've been practicing since birth. And yet it often gets

говорят в нашей стране...», попробуйте перед своим переводом этого места вставить: “У нас есть пословица, *которая означает (to the effect that)...*” Это позволит вам удобно сделать одно из двух: (а) дать подходящий эквивалент пословицы, если вы сумеете найти его достаточно быстро, или (б) дать приблизительный перевод исходной пословицы. Например: “Comme l'on dit chez moi, 'Vingt fois sur le métier remettez votre ouvrage'.” = (а) “В моей стране есть пословица, *которая означает* ‘Повторенье – мать ученья’,” или (б) “В моей стране есть пословица, *которая означает*, что к своей работе нужно возвращаться раз за разом, пока она не будет получаться как следует”. Несомненно, первый вариант перевода лучше, но и второй неплох; годятся оба». (J. Nolan Interpretation: *Techniques and Exercises*, Multilingual Matters Ltd., Clevedon – Buffalo – Toronto, 2005, p. 77. Пер. мой. – И.З.).

in our way, causes stress, and *leaves us at a loss*. We too frequently *miscommunicate*, *obfuscate* the point, cause an unintended reaction, or avoid a *messy* discussion altogether. Who hasn't left a conversation thinking, now *that* didn't go like I wanted it to?

В тексте нами подчеркнуты элементы разной лингвистической природы: идиомы, устойчивые обороты, отдельные слова с выраженным экспрессивным или образным компонентом. С точки зрения устного переводчика, они представляют сложность для перевода именно в связи с этой дополнительной нагрузкой, накладывающейся сверху на необходимость передачи сугубо денотативного компонента содержания отрывка. Все или почти все подчеркнутые элементы находятся в рематической позиции в своих высказываниях, поэтому проигнорировать их переводчик не может. Ни одно из встретившихся здесь образных выражений или слов, очевидно, не имеет устойчивого однозначного эквивалента в русском языке. С другой стороны, ничего особенно оригинально-авторского и уникального в этом наборе выразительных средств тоже нет, они достаточно стерты и стереотипны. Короче говоря, перед нами самый обыкновенный текст, с каким на каждом шагу приходится сталкиваться устному переводчику. Стоит ли переводчику ставить перед собой цель не снизить «степень идиоматичности» (или «градус образности») в переводе, полагая, что это позволит сохранить качество текста, его экспрессивность, выразительность, авторский стиль и т.п.?

Попробуем предложить несколько вариантов перевода каждого в отдельности из выделенных нами элементов, причем рассмотрим варианты как с сохранением или повышением степени образности/идиоматичности (или с эксплицитным выявлением внутренней формы идиомы или образа), так и с понижением этого параметра.

Анализ практики

Оригинал	↑ образность/идиоматичность (и/или экспликация внутренней формы образа)	↓ образность/идиоматичность
gets in our way	вставляет палки в колеса путается под ногами	сковывает мешает
leaves us at a loss	оставляет в затруднении оставляет в проигрыше заставляет развести руками	подводит вредит
(we) miscommunicate	не можем достичь цели коммуникации не можем обеспечить [эффективную] ком- муникацию	говорим не то, что хотим не можем объяс- нить, чего хотим
obfuscate the point	затемняем/запутываем вопрос	говорим непонятно
a messy discussion		трудный/неприят- ный разговор

Даже беглого взгляда на эту таблицу достаточно, чтобы убедиться в том, что стремление любой ценой сохранить, а то и приумножить степень образности в тексте перевода ведет как минимум к проблемам с сочетаемостью в ПЯ, а то и к смысловому и стилистическому диссонансу. К тому же, яркие образные и идиоматические выражения могут быть слишком тесно связаны с национальной культурой языка перевода, а это нежелательно. С другой стороны, использование более простых, пусть даже менее образных слов и оборотов позволяет создать в переводе текст, легко и доходчиво доносящий замысел оратора до слушателей и вовсе не создающий впечатления стилистической или экспрессивной обедненности:

Из всех умений, которые мы развиваем в себе как лидеры и профессионалы, умение общаться мы тренируем с раннего детства. И все же общение нам часто не дается, оно утомляет и подводит нас. То и дело мы не можем объяснить другому, что мы хотим сказать, говорим о простом слишком сложно, добиваемся совсем не того результата, на который рассчитывали, или просто избегаем трудного разговора. Кому не приходилось уходить от собеседника с мыслью: «Да-а, по-лучилось как-то не так, как я хотел»?

Кстати, такая тактика перевода иллюстрирует также и другой прием, уместный в устном переводе, причем в гораздо большей степени, чем в письменном: незначительное, но отчетливое снижение регистра, то есть некоторое смещение от нейтрального в сторону (литературно-)разговорного стиля. В данном случае это сделано, наряду с отказом от книжной лексики, путем использования регистрово чуть сниженных служебных элементов – союзов, частиц, вводных слов (*и все же, то и дело, просто* [избегаем], *как-то* [не так]), а также междометия (*да-а*). Право на такой сдвиг переводчику дает сама коммуникативная ситуация устного перевода и ее прагматические характеристики. В данном случае оратор явно имел намерение вызвать эмоциональную реакцию своей аудитории и привлечь ее на свою сторону, апеллируя к личному опыту слушателей как коммуникантов. В конце концов, и сам оратор – автор английского текста – употребил такие характерные элементы разговорной речи, как сокращенные формы вспомогательных глаголов (*we've, hasn't*), прямую речь с вводным словом *now*, выступающим фактически в роли междометия, эмфатическое выделение слова *that*, риторический вопрос. При устной форме предъявления оригинала был бы использован и соответствующий интонационно-просодический рисунок и паралингвистические средства (мимика, жестикуляция). Разумеется, этим правом на небольшой сдвиг регистра в сторону неформальности переводчик не должен злоупотреблять; более того, во многих коммуникативных ситуациях (например, официально-деловых или церемониальных) это принципиально недопустимо и непрофессионально.

Итак, первый тактический прием устного переводчика, имеющего дело с текстом, насыщенным образными и идиоматическими элементами, не выходящими за пределы стереотипа, — это *упрощение* образного рисунка текста, использование более нейтральной знаменательной лексики, в том числе замена устойчивых оборотов свободными словосочетаниями или отдельными словами — в сочетании, если переводчик сочтет это уместным, с *компенсацией* этой потери образности небольшим *сдвигом регистра* в сторону разговорности и более *прямым обращением к слушателю* (прямая речь вместо косвенной; прямые вопросы и восклицания; более широкий интонационный диапазон и т.п.). Наиболее удобными носителями признаков сниженного регистра могут быть строевые слова и структурно-логические маркеры: союзы, частицы, вводные слова и обороты, — а также упрощенные синтаксические конструкции, характерные для разговорной речи (например, эллиптические предложения), и пониженная синтаксическая глубина сложных предложений, что достигается (частичной) заменой подчинительной связи на сочинительную, членением предложений и преобразованием обособленных оборотов в полносоставные предложения⁴.

Для иллюстрации второго типичного алгоритма действий устного переводчика, столкнувшегося с образными выражениями — на этот раз более яркими и более заметными в тексте, — рассмотрим следующий пример из чрезвычайно эмоционального предвыборного выступления сторонника одной из консервативных партий:

Сегодня нам твердят чуть не все кандидаты, ищущие наших голосов, что власть

⁴ Например, следующее сложноподчиненное русское предложение с двумя уровнями подчинения, к тому же осложненное причастным оборотом и однородными глагольными сказуемыми,

им нужна для продолжения реформ. Повторяют, как кришнаиты мантру, как заклинание от порчи. Да народ кривится от слова «реформы», как от кислого яблока. Наелись за двадцать лет.

При мысленном анализе первой цепочки образных выражений мы видим, что сравнения «*как кришнаиты мантру*» и «*как заклинание от порчи*» не имеют в данном контексте значимой связи ни с кришнаитами, ни с заклинателями — оба выражения всего лишь усиливают глагол *повторяют*, привнося дополнительные значения «бесконечно, назойливо, бессмысленно» и т.п. В переводе, особенно в синхронном, то есть в условиях жестких ограничений времени, допустимо заменить исходную образность какими-либо устойчивыми английскими выражениями, несущими подобную же смысловую нагрузку, то есть фактически подменить «поэтическую функцию» (по Якобсону) обозначением интенсивности: *They repeat it all the time/again and again/day in and day out/from morning till night/nonstop/ad nauseam* и т.п. Можно употребить не какое-то одно из этих выражений, а два или три подряд: в данном случае это только поможет выразить идею бессмысленности и бесконечности. Можно, впрочем, попытаться использовать какую-то часть исходной образности, выбрав нечто наиболее универсально-понятное и относительно политкорректное: *They repeat it like a mantra*.

можно значительно упростить в переводе, разделив на несколько более простых (заодно в переводе третье лицо заменено на неопределенно-личное you, что также способствует приданию тексту более непосредственного и «личного» характера):

Отрицательной чертой ипотечного кредита, останавливающей многих людей, является то, что для его получения необходимо собрать огромное количество документов и, пожалуй, самое главное — представить справку о доходах, которая подтверждала бы заработок кредитуемого лица. > A negative feature of a mortgage loan is that to get it you need to collect a lot of documents. This is what stops plenty of people from seeking one. The key paper to show the bank is your income statement.

Анализ практики

Следующие три образных элемента в тексте примера образуют развернутую последовательность, очевидно, восходящую к библеизму: «отцы ели кислый виноград, а у детей на зубах оскомина» (Иер. 31. 29: “*the fathers have eaten sour grapes, and the children’s teeth are set on edge*”). Впрочем, обращение здесь переводчика к библейскому тексту могло бы только ввести слушателя в заблуждение: все толкования этого библеизма сводятся исключительно к идее наказания детей за грехи отцов, что нерелевантно для данного контекста. Придется искать решение самостоятельно. Для этого в качестве первого шага нужно *разделить содержание* пассажа на *сугубо денотативный компонент и оставшийся образный*. Получится что-то вроде: <Народ не хочет слышать о реформах, он устал от этого за двадцать лет> + <образ кислого яблока, набившего оскомину>. Поручиться за то, что именно «кислое яблоко» является принятым и понятным для англоязычного слушателя символом, использующимся в английском языке в нужном нам смысле, трудно⁵ (вспомним, что устный переводчик в рабочей ситуации лишен возможности обратиться к справочникам). Попытка механически перенести образность из одного языка в другой без учета узуса переводящего языка почти всегда обречена на провал. Гораздо надежнее будет *воспользоваться проверенными устойчивыми английскими выражениями*, имеющим как раз необходимое нам здесь значение: *The people are sick and tired of hearing about reform. They’ve had enough of it over the past twenty years / They are fed up with it after the past twenty years.* Вновь образность оригинала в переводе снята или значительно ослаблена, что одновременно делает выбранные эквиваленты менее культурно-специфическими, но зато передана без искажений

⁵ Не поможет и образ «кислого винограда»: английское “Sour grapes” соответствует русскому «Зелен виноград!» как реплика лисицы из басни Эзопа «Лиса и виноград».

денотативная функция отрывка и не утрачена экспрессивная: отрывок остался весьма энергичным и эмоциональным.

Этот прием – мысленное разделение образного или идиоматического выражения на *денотативный компонент и «то, что сверх денотативного»* (а это может быть образность, контрастный регистр, культурно-ассоциативное значение, оценка, уменьшительность/увеличительность и т.п.) – может привести и к несколько иному переводческому решению: эти два компонента *могут быть переведены отдельно, но рядом*:

Фирма завалена заказами (= <получает> + <огромное множество>) > The company receives huge /an incredibly large number of orders

Саша Пушкин (= <Александр Пушкин> + <ребенок>) > little Alexander Pushkin

Бабка-уборщица нагрубила работодателю и назвала его буржуем (= <капиталист> + <«классовая» формулировка в советском стиле>) > The angry old cleaning woman called her employer “a rotten capitalist”.

Her co-workers jumped in on her idea and picked it apart (= <reacted quickly> + <and violently>; <criticized the idea> + <in a wild and aggressive way>) > Коллеги набросились на ее идею (, *как стая хищников,*) и раскритиковали ее *в пух и прах*.

Итак, как выясняется, несмотря на все ограничения, накладываемые спецификой однократной устной презентации оригинала и необходимостью сразу же выдать единственное решение, в распоряжении устного переводчика все-таки есть небольшой набор средств и приемов для работы с идиомами, цитатами и образными выражениями: от подстановки готового эквивалента до снятия/ослабления образности или покомпонентного пересказа содержания идиомы на переводящем языке. Как же определить, какой подход будет уместен в каждом конкретном случае? Прежде чем ответить на этот вопрос, позвольте поделиться воспоминанием.

В 2003 г. я оказалась в роли устного переводчика, обслуживавшего недельный визит в Москву Лорд-мэра лондонского Сити господина Гэвина Артура и его свиты. Лорд-мэр избирается сроком на один год корпорацией Сити – когда-то купцами, а сегодня финансистами и юристами – для защиты своих интересов перед британской короной и пропаганды лондонского Сити как мирового финансового центра. Г-н Артур начинал каждую встречу словами: «Должность Лорд-мэра Лондона учреждена в 1189 г. при Вильгельме Завоевателе и я являюсь 675 человеком, занимающим ее». Свита состояла из чрезвычайно серьезных джентльменов с должностями вроде Меченосца Лорд-мэра и Шерифа Лорд-мэра, а также Леди мэриши и ряда других солидных лиц. Среди них был и вполне современного вида молодой человек в должности пресс-секретаря лорд-мэра («Моя работа – ни на один день не давать Британии и миру забыть о существовании Лорд-мэра и его деятельности», – говорил он). Почетного гостя со свитой принимали на весьма высоком уровне и в мэрии Москвы, и в правительстве России. В один из дней мы оказались на приеме у А.В. Улюкаева, тогда зам. председателя Центрального банка РФ. Рассказывая британским гостям о состоянии дел в российской банковской сфере, Улюкаев сказал: «*После кризиса 1998 г. россияне придерживаются принципа: “Храните деньги в банке – желатель – но, в трехлитровой”. Ну, короче говоря, в кубышке стараются хранить*». Русская часть присутствующих заулыбалась, англичане вопросительно посмотрели на переводчика. Я тогда впервые услышала шутку про трехлитровую банку и едва не растерялась, но меня выручила «кубышка», и я довольно бодро перевела: «*Russians prefer to keep their money under the mattress*». Вскоре эта встреча закончилась и мы поехали на следующую. Сидя в микроавтобусе рядом с пресс-секретарем, я сказала ему: «А знаете, что

в точности сказал г-н Улюкаев, отчего все засмеялись? Russians have a motto: Keep your money in a ‘banka’. You see, in Russian the words ‘bank’ and ‘glass jar’ sound the same, so it was quite funny.” Мой собеседник пришел в восторг и немедленно принялся рассказывать всем прочим членам делегации, какая шутка есть про русский обычай хранить деньги. Более того, на следующий день он сообщил, что накануне вечером по телефону передал в газету (кажется, в «Таймс»), заметку следующего содержания: «Лорд-мэр лондонского Сити, находясь с визитом в Москве, неожиданно обнаружил причину печального состояния российского банковского сектора. Дело в том, что по-русски “хранить деньги в кредитном учреждении” и “хранить деньги в стеклянной емкости” говорится одинаково, и россияне, видимо, путают одно с другим...» Радости присутствующих не было предела: как же, они нашли, что написать в «Таймс» про дипломатическую миссию лорд-мэра! А мне осталось сделать только одно: дома я взяла маленькую баночку из-под меда, насыпала в нее горсть русских монет и даже положила пятирублевую купюру, обвязала крышку шелковым бантиком и приклеила поперек этикетку с надписью: “Keep your money in a BANKA”. И подарила лорд-мэру.

Давно уехала английская делегация, но вопрос о переводе анекдота про хранение денег «в банке» не оставлял меня. И постепенно из этой немудрящей шутки родилась стройная система, которая, как мне кажется, помогает объяснить, какие принципы следует класть в основу принятия переводческих решений в подобных случаях, и какие механизмы использовать (см. таблицу на стр. 38).

Получается, что выбор переводческой тактики определяется *функцией* (или функциями), которую образное или идиоматическое выражение, или даже целый анекдот реализует в конкретной

Анализ практики

	Доминирующая функция	Суть механизма перевода	Пример перевода
А	Денотативная	Полное снятие образности. Перевод только денотативного компонента (при необходимости, с экспликацией)	People in Russia have little trust in financial institutions. They prefer to keep their money at home.
Б	Денотативная + (поэтическая + экспрессивная)	Перевод устойчивым идиоматическим аналогом	Russians believe in keeping their savings under the mattress.
В	Поэтическая + экспрессивная	Перевод каламбура каламбуром (на другой образной основе)	The safest way to invest is to put your money in your vest pocket.
Г	Металингвистическая	Объяснение игры слов в оригинале	The motto of Russians is: "Keep your money in a glass jar." You see, in Russian "in a jar" and "in a bank" sound identical.

коммуникативной ситуации. Первым вопросом, который мы себе задаем, столкнувшись с такой задачей, должен быть не «Как это перевести?», а «Зачем здесь это сказано?» и «Зачем я хочу передать это в переводе?»

В случае с нашим примером, вариант А, самый экспрессивно бедный, но и самый помехоустойчивый, может подойти, скажем, синхронисту, который вынужден держать заданный оратором запредельный темп, когда уже не до поэтических красот выражения — успеть бы передать экономический смысл высказывания. И этот же вариант можно порекомендовать устному переводчику на английский, перед которым находится аудитория людей, — условно говоря, китайцев, — для которых английский язык не родной, а образность, основанная на привычных европейцу элементах материальной культуры (стеклянные банки (тем более трехлитровые), матрасы, кубышки, а также привычка прятать там деньги), может быть

непонятна. *Вариант Б*, в котором яркий образ из русского анекдота, к тому же переданный там в виде каламбура, замещен стереотипным английским оборотом, вряд ли способным, например, вызвать смех в зале, оказывается весьма удобным с точки зрения «переводческой безопасности» — к нему трудно придаться, и скорее всего, такой оборот в тексте перевода пройдет без комментариев и возражений со стороны слушателей и критиков. В то же время он верно передает и денотативное содержание отрывка (нелюбовь и недоверие к финансовым учреждениям), и даже до некоторой степени сохраняет экспрессию и стилистику оригинала. *Вариант В*, в котором переводчиком принято решение почти полностью отказаться от передачи денотативного содержания отрывка (сохранено лишь понятие о деньгах и о склонности героя доверять только себе), зато сохранен стилистический прием каламбура, был бы, пожалуй, уместен в случае, если бы этот анекдот использовался в художественном тексте в качестве элемента речевой характеристики персонажа или автора. Найти такое решение с ходу, непосредственно в процессе устного перевода, очень маловероятно, да и весьма рискованно — вспомним историю про притянутых за уши зайцев. И, наконец, *вариант Г*, в котором, как может показаться, переводчик «сдался» и вместо передачи содержания оригинала принялся объяснять и комментировать его форму, то есть переключился на металингвистическую функцию текста, оказался неожиданно плодотворным для того, чтобы выйти за пределы исходной коммуникативной ситуации: без такого объяснения не было бы ни нескольких минут общего веселого разговора, ни иронической заметки в «Таймс», ни доморощенного сувенира (или арт-объекта?) в виде баночки с монетами и этикеткой.

Вот в такой системе координат и приходится перемешаться хрупкой стрекозе — устному переводчику. Налево уклонишься — голову потеряешь, направо — занудой прослывешь, слишком вглубь — в трясине увязнешь и потеряешь темп. И все же представлять себе,

что система координат существует и что ты не совсем один, без руля и без ветрил, в этом полете — это гораздо приятнее и полезнее, чем лететь совсем наугад.

Cum grano salis

Про Ивана переводчика и шапку-невидимку

(русская этническая сказка)

У.Я. Полуэктович

В некотором царстве, в некотором государстве жил да был в маленьком мегаполисе переводчик по имени Иван, по фамилии Царевич. Дни напролет переводил он пресс-релизы и переговоры компании «Планета унитазов», заморской сантехники промышленной. И была у него мечта: перевести сказку или повесть какую расчудесную, а то и стих.

Да вот незадача: что ни переведет, редактору не по вкусу: «Больно, мол, из нее заморские руки-ноги вылезают. Больно уж переводческим духом пахнет. Ты так переведи, чтобы переводчика не видно было».

Идет он раз из редакции, голову повесил, а тут, откуда ни возьмись, старушка дряхлая.

— Здравствуй, — говорит, — касатик. Отчего не позитивный такой?

— От редакторов, муха их заклей, — отвечает Иван.

И рассказал бабке про свою грусть-печаль. Задумалась старушка. И отвечает:

— Ну, переводить, касатик, я не научена. Но, как у нашей фирмы юбилей, то дозволю тебе мегаакцию сделать: два заветных желания по цене трех. Позолоти ручку, а я тебе пособлю.

Позолотил Иван ей ручку — благо от последних переговоров гонорарий перепал добрый. Старушка и говорит:

— Надобно тебе, касатик, раздобыть переводческую шапку-невидимку. А хранится она в царстве царя Адекватия. К нему и ступай. Только держи ухо востро: Адекватий — мужчина сурьезный и строгий. Не потрафишь — мигом на кол посадит.

В те дремучие поры в ниверситетах за плохие переводы еще колы ставили.

Отправился Иван царя Адекватия искать. Долго ли шел, коротко ли, глядь — чисто поле. Чистое-пречистое, никакого контекста. И стоит посередь поля выражение крылатое. Хоть и крылатое, а взлететь не может: больно негоже перетолмачено. Вместо темы рема торчит, вместо ремы тема.

— Помоги мне, — говорит, — добрый молодец. Переведи меня как надобно. Я тебе эту службу отслужу.

Припомнил тут Иван Царевич, что ему про коммуникативное членение рассказывали, поплевал на руки да и перевел по-правильному. Обрадовалось выражение, крылышками замало и полетело по своим выраженческим делам. А Иван дальше пошел.